

Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР?

ЕМЕЛЬЯНОВА Т.П. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: НАЗАД В СССР?

English version: [Emelyanova T.P. Collective memory about the Soviet past: back in USSR?](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Приведены результаты исследований коллективных воспоминаний представителей разных групп российского общества о событиях советской истории. Показано, что память об эпохе СССР в целом позитивно окрашена. Как наиболее благоприятный оценивается период правления Л.И.Брежнева. Обнаружено, как работает механизм коллективного коупинга в каждой из групп респондентов при сравнении этого периода с настоящим временем. Доказан факт приоритетности воспоминаний о событиях советской эпохи в общей совокупности исторических фактов из истории России в целом. Подробно анализируются представления коллективной памяти о наиболее значимых для респондентов событиях – Великой Отечественной войне и первом полете человека в космос. Обсуждаются социально-психологические механизмы конструирования представлений коллективной памяти, в том числе характерные для современного российского общества.

Ключевые слова: коллективная память, представления коллективной памяти, память об эпохе СССР, Великая Отечественная война, первый полет человека в космос, механизмы конструирования представлений коллективной памяти

Коллективная память включает в себя разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе [Хальбвакс, 2007]. Коллективная память, являясь социально-психологическим феноменом, не перекрывается исторической наукой и не поглощается исторической институциональной памятью. Она имеет специфические черты, выполняет важные социально-психологические функции в сознании групп, несет в обыденном сознании эмоциональный и нравственный заряд. Ее связи с исторической (институциональной) памятью сложны и неоднозначны. Субъектом же коллективной памяти является социальная группа, у представителей которой можно обнаружить коллективно разделяемые воспоминания. По своей сути эти воспоминания – реконструкция прошлого. Основные механизмы процесса такой реконструкции назвал еще Ф.Бартлетт (F.Bartlett): выравнивание, акцентуация, ассимиляция и конвенционализация [Bartlett, 1932].

Исследования последних десятилетий показывают, что коллективная память, так же как и память индивидуальная, разумеется, не является простым отпечатком событий прошлого. Ее можно рассматривать как один из элементов менталитета [Юревич, 2013]. Представляет интерес классификация стратегий и механизмов искажения коллективной памяти, предложенная

Р.Баумейстером и С.Хастингсом [Baumeister, Hastings, 1997]. Эти авторы на многочисленных исторических примерах рассматривают закономерности трансформаций людьми воспоминаний в пользу своей группы, а именно: избирательные пропуски неприятных фактов, вымыслы или фабрикация нужной информации, преувеличение и приукрашивание, манипуляция ассоциациями, огульные обвинения врага, атрибуция вины обстоятельствам, контекстуальное обрамление. Если откровенная фабрикация ложных сведений представляет собой малоэффективный прием и поэтому к нему прибегают крайне редко, то остальные стратегии легко узнаваемы и широко используемы, причем они чаще всего применяются не по отдельности, а совокупно. Скажем, на примере оценки роли нормандского десанта во Второй мировой войне можно видеть, как используется стратегия преувеличения (высадка десанта определила исход войны), которую авторы статьи убедительно развенчивают [Baumeister, Hastings, 1997, p. 292]. Манипуляция ассоциациями может дополняться специальным контекстуальным обрамлением. Так, пример с коллективной памятью о крестовых походах позволяет выявить и манипулирование ассоциациями (освобождение святынь), и контекст борьбы за веру. Важным представляется вопрос о степени преднамеренности искажения. Очевидно, что эта степень может быть различной: от политических спекуляций до добросовестного заблуждения. Выявление степени преднамеренности «смещения» воспоминаний составляет специальную задачу.

Коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой. Причем, если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» – это глобальная или ностальгическая функция. Вторая социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память – это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы. Между тем, по словам Т.Д.Марцинковской, «людям всегда было сложно примириться с новыми временами и социальными трансформациями, однако никогда этот разрыв между новым и старым не был так глубок и никогда еще будущее не казалось таким неопределенным» [Марцинковская, 2015, С. 1].

Коллективные воспоминания об СССР выполняют обе названные функции. По мнению отечественных социологов, «можно говорить о том, что для относительного большинства россиян идеал общественного устройства локализован в прошлом» [Касама, Сорокина, 2014, с. 110]. Изучение представлений о советском прошлом у студентов элитных московских вузов показало, что «у молодого поколения в сознании достаточно позитивный образ СССР и весьма негативное отношение к современной России» [Там же. С. 110]. Оказалось, что эти студенты имеют очень приблизительное представление о тоталитаризме и, возможно, именно поэтому во многом идеализируют советское прошлое: по их мнению, проблемы советского периода истории характеризовались бытовыми трудностями, а не миллионами погибших в сталинских лагерях [Там же. С. 116]. В поисках причин подобного искажения коллективной памяти важно обратиться к идее темпоральной непрерывности коллективного сознания. Настоящее посредством институциональной памяти через кинопродукцию, СМИ, политический дискурс выстраивает образ советского прошлого, преимущественно, как героического, стабильного и светлого времени созидания. Этот образ охотно впитывается молодежью по контрасту с переживаемыми трудностями трансформационного периода благодаря закономерностям коллективной памяти, описанным классиками (потребность в «золотом веке», в позитивном образе нации и т.п.). Потребность в построении позитивной национальной идентичности диктует обращение к славному прошлому. Однако и на этом пути возникают трудности, поскольку, по словам Е.П.Белинской, «специфика отечественного "кризиса идентичности" связана с фактическим отсутствием образа личного и социального будущего» [Белинская, 2015, С. 12]. По-видимому, идеализация прошлого выступает как компенсация неопределенности будущего.

Место воспоминаний об СССР в памяти о событиях отечественной истории

Каково же место воспоминаний о советском прошлом в коллективной памяти о событиях

отечественной истории в целом? Важность советского периода истории в коллективной памяти подтверждается в нашем исследовании, проведенном совместно с А.В.Мишариной. Объем выборки: N = 345, из них: 121 студент (от 18 до 23 лет), 115 работающих взрослых (от 25 до 55 лет) и 109 неработающих пенсионеров (от 60 до 86 лет). Респондентам было предложено перечислить события в истории России, которые, с их точки зрения, можно было бы назвать эпохальными. В результате контент-анализа высказываний были выделены наиболее часто упоминаемые события.

Примечательно, что первые пять мест заняли события советской истории: «Победа в Великой Отечественной войне» (55% респондентов), «Революция 1917 года» (38%), «Распад СССР» (22%), «Перестройка» (15%), «Полет человека в космос» (8%). Такие события, как «Крещение Руси», «Война 1812 года», «Отмена крепостного права», набирали менее 5%.

При сравнении ответов респондентов различных возрастных когорт было обнаружено следующее. Ответы респондентов средней возрастной группы во многом схожи с ответами студентов, лишь с изменениями в частоте упоминания событий. Так, перестройка вспоминается ими чаще (23%), чем студентами (11%). Ответы респондентов пенсионного возраста, в отличие от других возрастных групп, содержат упоминания событий сталинской эпохи (включая репрессии, восстановление народного хозяйства после войны и эпоху правления Сталина в целом) – 7%, а также события советского периода (первые пятилетки, ударный труд, экономический подъем после войны) – 5%. Для выявления характеристик процесса конструирования памяти респондентам был задан вопрос «Какие из исторических событий Вы хотели бы, чтобы помнили Ваши дети?». Оказалось, что более половины респондентов (53% от общей выборки) назвали Великую Отечественную войну. Это событие остается центральным в конструировании коллективной памяти для будущих поколений во всех возрастных когортах. Также респонденты отвечали, что хотели бы, чтобы их дети помнили всю историю, причем правдивую и настоящую (13% от общей выборки). На третьем месте оказалась «Революция 1917 года» (6%), за ней – «Полет человека в космос» (5%). Это снова события советской истории. Можно предположить, что образ коллективной памяти конструируется, прежде всего, посредством механизма увековечивания великих достижений страны («Великая Отечественная война» и «Полет человека в космос»). Но при этом фиксируется и событие, надолго и неоднозначно изменившее политический облик страны: «Революция 1917 года» (молодежь, кстати, реже представителей других возрастных когорт называет это событие в контексте «памяти для будущего»).

Отдельные этапы советской истории в коллективной памяти

Специальное исследование было посвящено коллективным воспоминаниям об СССР в целом и о разных периодах советской истории [Емельянова, 2006]. Объем выборки: N = 105 (представители пяти социальных групп – пенсионеры, рабочие, студенты, интеллигенция и безработные по 21 испытуемому в каждой группе), возраст от 20 до 77 лет. С помощью метода ассоциаций и последующего контент-анализа был получен рейтинг слов и словосочетаний, ассоциирующихся с СССР вообще и основными периодами советской истории. Были получены следующие ассоциации (по убыванию их частоты) на совокупной выборке: СССР – «страна», «свободный», «хороший», «коммунизм», «бесплатный», «работа», «серп и молот», «жизнь», «уверенность», «объединение», «сила», «армия», «рождение», «завтрашний», «сила», «мощь», «гимн», «веселье», «радость», «счастье». Испытуемые отмечали также «безопасность» и «уверенность в завтрашнем дне», «возможность получать бесплатное медицинское обслуживание и образование», «низкие цены». Однако по отдельным периодам советской истории наборы ассоциаций существенно различались. Высокочастотные ассоциации отличались стереотипностью, содержали расхожие слова и словосочетания. Но при этом наметилась характерная тенденция: из восьми выделенных периодов советской истории преимущественно негативные чувства вызывают шесть, а позитивные – только два: отчасти время «оттепели» и, безусловно, эпоха правления Л.И.Брежнева. В то же время общая оценка советской истории (первое задание) позитивна. Возможно, общую оценку определил брежневский период. Это предположение мы проверили с помощью анализа данных по группам, дополнив его результатами методики социальной фрустрированности Л.И.Вассермана

Студенты как наиболее позитивный оценивают именно брежневский период советской истории («стремление к образованию», «дружба», «спокойная жизнь», «развитие науки», «подъем»). В настоящее время у этой группы фрустрированной оказалась потребность в устройстве на работу, а в СССР при этом ими особо отмечается гарантированность работы. Группа *неработающих пенсионеров* отличается большим количеством личных воспоминаний: «рождение ребенка», «свадьба», «смена работы», «служба в армии». Пенсионеры как группа, неудовлетворенная в наибольшей степени качеством медицинского обслуживания, ассоциирует СССР с «бесплатным лечением», «молодостью» и «защищенностью». Перестройка оценивается в основном негативно. Как наиболее позитивный период отмечают брежневские годы. Здесь большая доля ассоциаций «веселье», «вольная жизнь», «кассы взаимопомощи», «достаток». Наиболее негативно оценивают довоенный период как время репрессий, арестов, раскулачивания. Группа *интеллигенции*, максимально фрустрированная состоянием социальной сферы в настоящий момент, в отношении этапа перестройки обнаруживает усиление позитивных чувств и снижение негативных. С приходом Горбачева интеллигенция связывала большие надежды. При этом брежневское время оценивается как наиболее позитивное (ассоциации: «безмятежность», «романтика», «мечты», «стабильность»), самые негативные периоды – довоенный и военный («концлагерь», «боль», «страдание», «потери»).

Группа *рабочих* показала наибольшую степень фрустрированности в отношении сферы медицинского обслуживания, респонденты ассоциируют СССР с «бесплатной медициной», «социальными гарантиями». В воспоминаниях о перестройке преобладает апатия. Как самый позитивный рабочие отметили период правления Брежнева («гарантии», «расцвет», «стабильность», «спокойствие»), как самый негативный – революционный. («смерть», «безграмотность», «неизвестность»). В группе *безработных* чаще по сравнению с другими группами отмечается та или иная ситуация с продовольствием и ценами в стране в разные периоды ее истории. Группа безработных, испытывающая наибольшую фрустрированность в настоящий момент, позитивно оценивает советское прошлое только на момент правления Брежнева (ассоциации на этот период – «дешевый», «продукты», «поездки», «любить», «стабильность»).

Вероятно, при конструировании этих воспоминаний работает механизм коллективного коупинга. Потребности, удовлетворение которых затруднено в настоящий момент, оказывают влияние на характер воспоминаний о прошлом. Время, когда потребность удовлетворялась лучше, оценивается как наиболее позитивное. При этом, на самом деле, в прошлом оценки могли быть другими. Большую роль, по нашему мнению, здесь играет то, что представители психоаналитической школы назвали наложением исторической памяти на память индивидуальную или память семьи, в результате чего происходят различного рода трансформации содержания. Особенно ярко эта тенденция выражена у неработающих пенсионеров как людей более старшего возраста. С СССР у старшего поколения связаны воспоминания о молодых годах, друзьях, работе и т.д. У студентов память «индивидуальная», личная ограничена рассказами старших и сведениями из литературных, исторических источников. Именно поэтому они более склонны оперировать устоявшимися выражениями, их воспоминания и представления о советском прошлом во многом стереотипны, обезличены, неэмоциональны или символичны.

Респонденты старшего возраста при оценивании прошлого стараются оправдать и сгладить острые углы, которые обнажились в истории СССР с течением времени. Исключение составляют представители интеллигенции, которые на рациональном уровне проблемно подходят к прошлому и стараются оценить исторический путь СССР с различных точек зрения. Мысль Г.С.Дилигенского о том, что за персонифицированными названиями этапов советской истории всегда лежит целый ряд обобщенных представлений не только о личности вождя, но и об особенностях его политической, экономической и культурной деятельности [Дилигенский, 1994], в полной мере проявилась в нашем исследовании. В целом же обращает на себя внимание то, что в коллективных воспоминаниях наших респондентов сохраняется представление о преимуществах Советского Союза, по сравнению с современной ситуацией.

Коллективная память о Великой Отечественной войне

Начиная со второй половины 80-х годов в российском обществе не угасает полемика об общественных и нравственных аспектах Великой Отечественной войны, о роли руководителей страны и армии в тот период. В частности, горячо обсуждается вопрос о больших потерях солдат и младших офицеров Красной армии, о низкой компетентности военного руководства в первом периоде войны, также приведшей к гибели многих людей. Эти проблемы не перестают будоражить российское общество, порождая разговоры, дискуссии, публикации в прессе. Особенно острые дискуссии разгорались в 90-е годы. Надо отметить, что при этом люди самых разных убеждений продолжают считать праздник Победы величайшим национальным праздником.

Подавляющее большинство отечественных исследований последних лет, посвященных памяти о войне, сделано в рамках социологической науки и содержит подробное описание того, что люди помнят, интересуются ли проблематикой войны, из каких источников они получают информацию, как они оценивают факторы победы и другие фактические данные. Цель социально-психологического исследования коллективной памяти о войне мы [Емельянова, Мишарина, 2015] видим в раскрытии не только содержания памяти, что уже делается в социологических работах, но и ее уровневой структуры с тем, чтобы выявить общее и различное содержание на этих уровнях между поколениями. Структура представлений памяти рассматривалась как имеющая два уровня: глубинный, содержащий слабо осознаваемые, зачастую иррациональные элементы, базирующиеся на эмоциональных переживаниях, связанных с войной, и поверхностный уровень. Поверхностный уровень базируется на рефлекслируемых, рациональных (или рационализируемых) элементах представления, часто обусловленных социальной желательностью, знаниями, осознаваемыми целями или установками. Объем выборки: $N = 120$. В исследовании участвовали представители двух возрастных групп – «дети войны», родившиеся 1929–1944 годах и их дети и внуки, родившиеся в 1960–1978 годах (по 60 чел. из каждой возрастной группы), группы выровнены по полу.

Респонденты заполняли блок методик, состоявший из пяти заданий. В их числе 5-балльные шкалы для оценки утверждений, связанных с войной, психологический рисунок на тему «Ветеран войны», интервью, ассоциативный метод, сведения респондента о себе. Оценки, полученные по итогам шкалирования, были обработаны согласно методике Ж.-К.Абрика, с вычислением коэффициента позитивных ответов – ТСП (Taux categorique positif), модификация Т.П.Емельяновой [Емельянова, 2006, с. 243].

$$TSP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100$$

где $n(4)$ – число ответов «значительная степень», $n(5)$ – число ответов «очень значительная степень», N – общее число ответов.

Данные проверены на значимость статистических различий между ответами респондентов двух групп при помощи непараметрического критерия U Манна–Уитни с использованием статистического пакета STATISTICA 6.1. Вычисление коэффициентов позитивных ответов позволило выявить те утверждения, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени отражают их представления о победе в войне, то есть относятся к ядерной части представления о победе. Всего респондентам было предложено оценить 40 утверждений. Эти утверждения были сформулированы по итогам предварительного интервью и делились по содержанию на пять категорий – «итоги войны», «цена победы», «факторы, способствовавшие победе в войне», «характер чествования ветеранов» и «события войны».

В обеих возрастных группах структуры ядер представления о войне во многом схожи, но имеются и

значимые различия по ряду утверждений. Значимо различаются коэффициенты позитивных ответов по утверждениям: «Войну выиграли солдаты за счет своей жажды жить и защитить своих близких» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют» (оценки выше у младших при $p < 0,01$); «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказать о своей военной жизни» (выше оценено младшими при $p < 0,01$). В ядре представлений обеих групп представлены идеи о том, что молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу народа, об уничтожении фашизма в итоге войны, о значении самоотверженности и силы духа народа, а также патриотизма и любви солдат к Родине. И старшие, и младшие респонденты признают, что гордятся победой в войне.

Представители младшей группы в большей степени склонны соглашаться с утверждением о том, что «Война сопровождалась тиранией властных структур во главе с И.В.Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы». Эти элементы близки к ядру представлений младшей группы. В то время как представители старшей группы дали низкие оценки этим утверждениям, у них они оказались в дальней периферии представлений, при этом в старшей группе гораздо ближе к ядру такой элемент, как «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в войне». Эти различия в коэффициентах респондентов двух групп являются статистически значимыми. Также значимо чаще представители старшей группы согласны с тем, что все жертвы войны оправданы победой в ней. Также обе группы не склонны приписывать заслугу в победе военачальникам и командирам.

Стоит отметить, что содержание ядра и периферии представлений отличается еще и различием модальности преобладающих элементов. Так, в ядре представлений содержатся в основном эмоционально положительно окрашенные элементы, а в периферии – нейтральные или негативно окрашенные.

Для анализа уровневой структуры представлений коллективной памяти были использованы результаты, полученные методом ассоциаций (поверхностный уровень) и психологического рисунка (глубинный уровень). Частотный контент-анализ ассоциаций респондентов на слова «Победа в Великой Отечественной войне» позволил выявить рейтинг ассоциаций. Первые места в рейтинге занимают широко распространенные, первые пришедшие в голову слова и словосочетания, составляющие явный, доступный непосредственному восприятию (поверхностный) уровень представления. Это такие ассоциации, как «радость», «гордость», «праздник», «парад». При этом только респонденты старшей группы говорили, что победа для них прежде всего связана с возвращением близких домой и восстановлением мирного уклада жизни, в то время как в младшей группе респондентов место таких воспоминаний занимают ассоциации, связанные с уважением к ветеранам, почтительном отношении, чествовании их заслуг. Примечательно, что только в ассоциациях младшей группы первые места занимают утверждения о величии и силе русского народа.

Психологический рисунок «Ветеран войны» был предназначен для выявления имплицитных (глубинных) тенденций в репрезентации военной темы и победы. Результаты этого теста обрабатывались с помощью аналитической процедуры «Рисунок человека» [Маховер, 2009]. Оценка рисунков происходила по нескольким параметрам – содержательное наполнение рисунка (сюжет, возраст персонажей рисунка, атрибутика и др.), преобладающая эмоциональная окраска, используемые цвета, характер линий, расположение рисунка и др. Анализ рисунков производился отдельно для разных возрастных групп респондентов. Для старшей группы, и особенно мужчин, ветеран войны чаще предстает в качестве действующего воина – на поле битвы, под зданием Рейхстага, на Параде Победы в 1945 г. Эмоциональная составляющая рисунков этой группы респондентов амбивалентна – ряд рисунков отражает открыточные образы – парад, салют, ликование и радость. Большая же часть портретов отражает эмоции более сложные – напряжение и сосредоточенность, сдержанную улыбку, смешанную с усталостью, тоску, боль утраты.

Рисунки респондентов младшей группы чаще изображают ветерана войны в мирное время как человека пожилого, окруженного внуками, часто изображается ветеран не в полевой, а в парадной форме, с медалями, во время праздничного застолья. В этом видно соответствие образа рисунка содержанию представлений о войне – ведь именно респонденты младшей группы особенно часто подчеркивают, как важно полностью передать информацию о событиях войны младшему поколению, как важно устраивать встречи с ветеранами. В то же время именно в этой группе встречаются рисунки, изображающие надгробные плиты, вечный огонь на монументах во славу павших. Описывая эмоциональную окраску рисунков младшей группы, стоит отметить, что на них еще чаще, чем в старшей группе, изображается печаль, грусть либо тихая улыбка. Гораздо меньше рисунков, отражающих ликование в дни победы, память о которых жива у респондентов старшей группы.

Результаты показывают, что победа по-прежнему является фактором объединения общества. Просматривается и временная динамика коллективной памяти: младшее поколение респондентов меньшее значение придает параду Победы, значительно чаще, чем старшие, отмечает факт тирании власти и лично Сталина, неоправданность огромного количества человеческих потерь и жестокости по отношению к отступавшим и дезертирам. Несмотря на существование различий, оба поколения единодушны в своих чувствах гордости за народ, победивший германский нацизм.

По данным оценочных шкал были выявлены типы респондентов коллективных воспоминаний о победе в войне, общих для представителей обеих социальных групп: 1929–1944 годов рождения и их детей и внуков 1960–1978 годов рождения. Оценки респондентами сорока утверждений были подвергнуты статистической процедуре иерархического кластерного анализа. Выделены пять типов респондентов-носителей разных представлений об итогах войны: 1) «Патриот-традиционалист»; 2) «Размышляющий критик»; 3) «Государственник»; 4) «Скептик»; 5) «Противоречивый».

Тип 1 – «Патриот-традиционалист»

Первый тип респондентов является наиболее многочисленным в обеих возрастных группах, с некоторым преобладанием респондентов старшего возраста. Большая часть представителей этого типа имеет доход ниже среднего. По сравнению с другими типами, именно к этому типу относится наибольшее количество людей со средним и средним специальным образованием. Среди респондентов женщин на 15% больше, чем мужчин. Представители первого типа приписывают основную заслугу в победе патриотизму солдат и их любви к Родине (утверждения «Я горжусь победой в войне» (ТСР = 98,2), «Важный итог победы – сохранение суверенитета нашей страны и свободы ее народа» (ТСР = 95), «Победа в войне оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине» (ТСР = 96,4) получили максимально высокие оценки респондентов этой группы). Мнение этих респондентов полностью совпадает с основной транслируемой через СМИ точкой зрения на победу. Наравне с этим в ядре представлений респондентов первого типа представлены отражающие популярное общественное мнение утверждения «Ветераны достойны лучших жизненных условий, чем они сейчас имеют», а также «Молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу Великой Победы», что также соответствует принятой точке зрения на положение вещей. Респонденты этого типа избегают острых суждений и проблемных вопросов. «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться победой в войне» (ТСР = 6,1) и «СССР не столько освободил европейские страны, сколько установил там собственный тоталитарный режим» (ТСР = 3). Нет у них и потребности узнавать больше о событиях победы – утверждение «Иногда я по своей инициативе ищу информацию о событиях войны» получило крайне низкие оценки в этой группе (ТСР = 9,1).

Тип 2 – «Размышляющий критик»

Второй тип респондентов на 90% представлен респондентами младшей группы с доходом ниже

среднего. В равной мере среди них присутствуют люди со средним специальным и высшим образованием. В группе поровну мужчин и женщин. Утверждения «Победа в войне закрепила статус супердержавы нашей страны на мировой арене» (ТСР = 94,6), «Важно, что в результате победы в войне были расширены территории нашей страны», «Важное значение победы в войне – уничтожение фашизма» (ТСР = 100), «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» получили максимально возможные оценки в этой группе. Однако этому типу респондентов свойственна определенная критичность в восприятии итогов войны – «Наш народ заплатил слишком высокую цену за победу в войне», «Необходимо больше рассказывать о войне, о ее событиях и фактах» (ТСР = 100), «Война сопровождалась тиранией правительства во главе с И.В.Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы» (ТСР = 93,1). Респонденты этой группы подчеркивают непомерно высокую цену Победы и не согласны с утверждениями «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в войне» (ТСР = 0), «Все жертвы войны оправданы победой в ней» (ТСР = 0). Показательно, что респонденты этого типа дали в два раза более высокие оценки утверждению «И.В.Сталин – тиран, державший в страхе всю страну» (ТСР = 96,6), чем все остальные респонденты (ТСР = 24,2 в первом типе, 26,7 – во втором, 57,1 – в третьем и 49,9 в пятом типах). И только в этом типе респонденты не дали ни одной высокой оценки утверждению «И.В.Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы в войне» (ТСР = 0, в то время как в первом типе ТСР = 72,7, в третьем – 86,7, в четвертом – 57,1, в пятом – 42,9).

Тип 3 – «Государственник»

Третий тип на 80% представлен респондентами старшей группы с доходом выше среднего. В равной мере среди них присутствуют люди со средним специальным и высшим образованием. В группе поровну мужчин и женщин. Представители этого типа в наибольшей степени придают высокое значение важности получения и передачи достоверной информации о событиях войны – утверждения «На сегодняшний день очень остро встает проблема искажения информации о войне. Официальная информация о войне "лакирует" действительность» (ТСР = 100), «Необходимо больше рассказывать о войне, о ее событиях и фактах» (ТСР = 100), «Мне не хватает информации о событиях войны» (ТСР = 76,7) получили наибольшее количество положительных ответов по сравнению с другими типами. Интересно, что респонденты этого типа оказались достаточно терпимы к потерям в войне и суровости режима того времени. Они чаще любого другого типа соглашались с утверждениями «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в войне» (ТСР = 86,7) и «Все жертвы войны оправданы победой в ней» (ТСР = 53,3) и редко соглашались с тем, что «И.В.Сталин – тиран, державший в страхе всю страну» (ТСР = 26,7). Кроме того, эти респонденты дали самые низкие оценки утверждению «В итоге войны наша страна понесла экономические, материальные и демографические потери, значительно замедлившие ее развитие на долгие годы» (ТСР = 36,7).

Тип 4 – «Скептик»

Четвертый тип является самым малочисленным – к нему относятся только 6% всех респондентов. На две трети это представители младшей группы. При этом по уровню дохода группа самая неравномерная – тут собрались респонденты с самым высоким и самым низким уровнем дохода. В равной мере среди них присутствуют люди со средним специальным и высшим образованием, последних чуть больше. Также в группе больше мужчин, чем женщин. Респонденты этой группы продемонстрировали достаточно сдержанное и скептическое отношение к итогам войны – только в этой группе утверждение «Я горжусь победой в войне» не вошло в ядро представлений (ТСР = 57,1), в то время как во всех остальных четырех типах степень согласия с ним была максимальной (ТСР = 100). В то время как утверждение «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться победой в войне» получило наибольшее по сравнению с другими типами количество позитивных оценок (ТСР = 42,9). Также респонденты этой группы показали некоторый скепсис по отношению к важным итогам войны – они дали самые низкие оценки утверждениям

«Важное значение победы в войне – уничтожение фашизма» (ТСР = 57,1), «Важный итог победы – сохранение суверенитета нашей страны и свободы ее народа» (ТСР = 42,9), по сравнению с респондентами других типов. Только в ядре представлений респондентов этого типа присутствует утверждение «На мероприятия, связанные с Днем Победы тратятся большие деньги, которые могли бы послужить лучшим целям» (ТСР = 85,7). Только этот тип респондентов дал наибольшее количество позитивных ответов утверждению «Победа в войне – заслуга И.В.Сталина» (ТСР = 57,1), по сравнению с другими. Интересно, что равное с этим утверждением количество позитивных ответов получили два других – «Войну выиграла армия за счет своей жажды жить и защитить своих близких» (ТСР = 57,1) и «Победа в войне оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине» (ТСР = 57,1), в то время как респонденты других типов давали им максимально высокие оценки (ТСР = 96,6–100). Жесткость настроев респондентов этого типа продемонстрирована самыми низкими по сравнению с другими респондентами оценками утверждения «Наш народ заплатил слишком высокую цену за победу в войне» (ТСР = 28,6, в то время как в других типах более 90).

Тип 5 – «Противоречивый»

Пятый тип также не является многочисленным, к нему относится только 12% всех респондентов. Этот тип на 60% представлен респондентами старшей группы, на 40% – младшей. Доход респондентов в равной степени средний и ниже среднего, значительная доля респондентов без высшего образования. В группе поровну мужчин и женщин. Стоит отметить, что в ядре представителей этого типа оказалось больше всего утверждений – так как они соглашались практически со всеми предложенными утверждениями, в том числе противоречивыми. Их отношение к победе одновременно восторженное и горестное. Например, равные максимально высокие оценки получили утверждения «Я горжусь победой в войне» и «Наш народ заплатил слишком высокую цену за победу в войне», «Прежде всего, война – это трагедия, связанная с потерей близких, затронувшая каждую семью». Стоит отметить позитивный настрой этой группы по отношению к мероприятиям, посвященным чествованию победы в войне. Достаточно редко представители этого типа соглашались с утверждениями «Мероприятия чествования победы в войне слишком пафосные и глянцево-вые, в них не хватает серьезности, скорби» (ТСР = 28,6), «На мероприятия, связанные с Днем Победы, тратятся большие деньги, которые могли бы послужить лучшим целям» (ТСР = 14,3), «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться Победой в войне» (ТСР = 0).

Таким образом, исследование показало, что победа по-прежнему является фактором объединения общества. Тем не менее просматриваются и разночтения в трактовках. Обнаружено, что меньшая часть респондентов проявляет скептицизм (четвертый тип) и противоречивость в суждениях (пятый тип). Однако, несмотря на существование различий в репрезентациях, в целом наши респонденты единодушны в своем чувстве гордости за народ, победивший германский нацизм, в необходимости патриотического воспитания младших поколений, уважения ветеранов и большей заботы о них.

Заключение

Таким образом, результаты наших исследований показали, что события советской истории превалируют в памяти об истории России. Одна из вероятных причин этого – относительная близость во времени с настоящим. Другая – в успехах советской пропаганды («советское – значит лучшее»), отголоски которой не ушли из коллективного сознания и отчасти передались молодежи. Третья причина – в особенностях массового школьного преподавания истории, следствие чего – просто недостаточное знание отечественной истории. И еще одна возможная причина заключается в культивируемой ностальгии по советскому прошлому, которая в последние годы отмечается в СМИ (например, на «Радио России» цикл «Кунсткамера Страны Советов»), если имеется в виду СССР в буквальном смысле, то Страны Советов с обеих прописных, а если это юмор (страна, где всем дают советы), то оставить со строчных мода на советский дизайн (вечеринки в стиле 50-х годов) и т.п.

Эта тенденция отмечена в социальных науках: «Анализ контента СМИ показывает учащение обращения политиков и общественных деятелей к советскому периоду истории государства...» [Головашина, 2013, с. 193].

В нашем исследовании было обнаружено, что коллективные воспоминания респондентов о разных периодах советской истории эмоционально окрашены. Можно говорить о коллективных чувствах, обращенных в прошлое. Брежневский период вызывает позитивные чувства, так как фрустрации настоящего проецируются на период «застоя». Из событий советской истории наибольшая доля упоминаний касается событий, которыми можно гордиться, которые укрепляют позитивный образ нации. И та же тенденция обнаруживается при конструировании коллективной памяти (что должны помнить дети). Какие последствия для современного российского менталитета влекут за собой отчетливые следы советской идентичности? Многозначность памяти о советском периоде истории нашей страны, различные смыслы, порождаемые им, связь коллективных воспоминаний с настоящим и будущим вызывают необходимость дальнейших социально-психологических исследований.

Финансирование

Исследование является государственным заданием Федерального Агентства научных организаций РФ, проект 0159-2016-0001.

Литература

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования). Социально-экономические явления и процессы, 2013, 11(57), 193–198.

Дилигенский Г.С. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.

Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Представления о Великой Отечественной войне в коллективной памяти. Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2015, 1(78), 61–72.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи. Общественные науки и современность, 2014, No. 1, 107–118.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2009.

Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт психотерапии, 2002.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета. Психологические исследования, 2013, 6(29), 12. <http://psystudy.ru>

Bartlett F. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: University Press, 1932.

Baumeister F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves. In: Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. pp. 277–294.

Поступила в редакцию 7 декабря 2015 г. Дата публикации: 24 июня 2016 г.

[Сведения об авторе](#)

Емельянова Татьяна Петровна. Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, 129366 Москва, Россия.

E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? Психологические исследования, 2016, 9(47), 4. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обратился к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1280-emelyanova47.html>

[К началу страницы >>](#)